

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Безсмертіе и жизнь*).

(Содержаніе. *Христіанское ученіе о безсмертіи. — Субстанціональность души. — Понятіе о личномъ безсмертіи. — Историческія параллели. — Разумныя основанія въры въ безсмертіе. — Замѣна въры въ безсмертіе теоріей прогресса, т. е. релігіей человечества. — Слѣдствія этой замѣны. — Значеніе идеи безсмертія для нравственной жизни человека. — Какъ отражается въ жизни человечества замѣна христіанскаго ученія о личномъ безсмертіи ученіемъ толстовства, о томъ-же предметѣ. — Замѣла жизнь? — Безсмертіе — единственный смыслъ человеческой жизни).*

I.

Послѣ изображенія страшнаго суда Спасителемъ ХІХ в. отошли въ область исторіи, но не отошли вмѣстѣ съ ними эти вѣчно-юные волнующіе всю душу человека вопросы — смерть, страшный судъ, адъ, рай... Все это такия понятія, отъ которыхъ, какъ тѣло отъ электрическаго тока, содрогается человѣческое сердце, почему ими всегда интересовались и всегда будутъ интересоваться люди, достойные своего названія. Не даромъ на языкѣ человѣческомъ они именуются «проблемативъ»: какъ раны съ жгучей болью никому они не даютъ покоя, мучительно — настоятельно требуя отвѣта.

По христіанскому ученію, смерть есть то невидимое основаніе, на которомъ сознательно или безсознательно складывается вся жизнь человека, что замѣчено было еще въ древности: помни послѣднія твоя и во вѣки не согрѣшиши (Сирах. 7, 39).

Обыкновенно самое слово — смерть — внушаетъ человеку непреодолимый ужасъ, и думать о смерти для *естественнаго* человека крайне непріятно, потому что жажда жизни въ немъ такъ велика, что онъ готовъ отдать весь сокровища міра за одинъ глотокъ недостающаго ему воздуха. Но истинный *христіанинъ* знаетъ, что душа человеческая безсмертна по самой своей сущности и потому не такъ боится смерти.

*) Лекція, читанная въ залѣ Астраханской Вѣдательной Библиотекы 29 января 1912 г. въ пользу недостаточныхъ воспитанниковъ мѣстной дух. семинаріи.

Сколько бы ни говорили противъ безсмертія души, въ глубинѣхъ христіанскаго сознанія кроется глубокое убѣжденіе въ томъ, что смерть для человѣка есть несомнѣнное «пріобрѣтеніе» (Филип 1, 21). Будучи только «переходомъ» (Іоан. 12, 24) изъ одной жизни въ другую, переселеніемъ своего «я» изъ однихъ условій бытія въ другія—совершеннѣйшія и лучшія—и являясь необходимой, потому что «плоть и кровь не могутъ наслѣдовать Царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія» (1 Кор. 15, 50), она показываетъ только, что составъ нынѣшняго тѣла нашего самъ въ себѣ содержитъ сѣмена ничѣмъ неудержимаго разрушенія и, какъ таковой, является подверженнымъ тлѣнію, почему для будущей жизни «тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе и смертному сему—облечься въ безсмертіе» (1 Кор. 15, 53). По обѣтованію Христа «грядетъ часъ, въ онъ же вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавши, оживутъ» (Іоан. 5, 25—8). Смерть не страшна для христіанина, такъ какъ онъ знаетъ, что бытіе его не подлежитъ смерти. Владычество смерти простирается только на тлѣнный составъ его, «взятый отъ персти» (Быт. III, 10), причемъ онъ имѣетъ неложное обѣтованіе *полнаго* возстановленія *всего* существа его въ воскресеніе отъ мертвыхъ для вѣчной разумной жизни въ Божьемъ царствѣ свѣта и истины (Апок. 21, 3—4, 23—27; 22, 3—5). Вотъ почему св. ап. Павелъ такъ пламенно желалъ «разрѣшиться и со Христомъ быти» (Филип. 1, 33). И «если мы вѣруемъ, что Іисусъ умеръ и воскресъ, то и умершія во Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ» (1 Сол. 4, 14) такъ что «если мы умерли со Христомъ, то и жить будемъ съ Нимъ, потому-что Христосъ, воскресши отъ мертвыхъ, уже не умираетъ; смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти» (Рим. 6, 6—7) и Онъ «умеръ и воскресъ, и ожилъ, чтобы владычествовать и надъ мертвыми и надъ живыми» (Рим. 14, 9). Такимъ образомъ, Самъ Христосъ является «посредникомъ перехода въ новую жизнь» (2 Кор. 5, 18), потому-что Онъ воскресъ, и Своимъ воскресеніемъ разрушилъ необходимый законъ смерти и тѣмъ самымъ «положилъ начало общему воскресенію» (1 Кор. 15, 20—26). Понятно, что, кто жилъ со Христомъ, въ Христѣ и для Христа (Евр. 8, 1—2), т. е. былъ истиннымъ христіаниномъ, тотъ и пойдетъ по смерти своей ко Христу, что бы «быть едино съ Нимъ» (Іоан. 17, 21) и всѣ истинно вѣрные «солются во Христѣ», «будутъ живы» (Іоан. 17, 23). Отъ этого слитія никто не потеряетъ личности, такъ какъ жизнь во Христѣ

не будет уничтоженіемъ личной жизни. «Еще немного, и міръ уже не увидитъ Меня, говорилъ Господь Своимъ ученикамъ, а вы увидите Меня, ибо Я живу и вы будете жить» (Іоан. 14, 19). Такъ что когда Господь «при гласѣ Архангела и трубѣ Божіей сойдетъ съ неба» (1 Сол. 4, 16), «подобни Ему будемъ» (1 Іоан. 3, 2), и «какъ мы носили образъ перстнаго — Адама, такъ будемъ носить и образъ небснаго Христа» (1 Кор. 15, 49), Который «униженное тѣло наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его» (Филип. 3, 21).

Когда предъ Сыномъ человѣческимъ соберутся „все“ народы земли, то Онъ «отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ» (Мѡ. 25, 32, 33, 34). И всѣмъ стремившимся къ Нему и обрѣтшимъ Его скажетъ: «прійдите благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра». А тѣмъ, кои «сдѣлались плотью» (Быт. 6, 3) въ земной юдоли, жалѣя ихъ по Своему милосердію, скажетъ по Правдѣ Своей: «идите отъ Меня, проклятіе, въ огонь вѣчный, уготованный диаволу и ангеламъ его» (Мѡ. 25, 41). И «пойдутъ сія въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную» (Мѡ. 25, 46).

Таково ученіе христіанства. Но современные невѣры хотятъ во что бы то ни стало доказать, что со смертію тѣла оканчивается все для человѣка, потому-что душа является, по ихъ мнѣнію, не самостоятельной субстанціей, отличной отъ тѣла по самой природѣ, а лишь продуктомъ состоянія нашего организма, «модификаціей фізіологическихъ процессовъ», такъ что всецѣло зависитъ отъ тѣла и съ его разрушеніемъ сама безслѣдно исчезаетъ.

Необходимо; слѣд., прежде всего показать, что психическія явленія; явленія познанія, чувства, воли, по своимъ свойствамъ совершенно различны отъ явленій фізіологическихъ. Аксиома, что въ дѣйствиіи можетъ заключаться лишь то, что дано въ причинѣ. Если же въ психическихъ явленіяхъ не заключается ничего, свойственнаго фізіологическимъ матеріальнымъ процессамъ, то они не могутъ быть и дѣйствиемъ послѣднихъ! Попытаемся доказать это. Всѣ различныя впечатлѣнія, воспринимаемая душой, сводятся въ ней къ строгому единству сознанія, а единство сознанія предполагаетъ и единство самосознающей субстанціи. Не смѣтря на множество нервныхъ центровъ, человѣкъ всетаки чувствуетъ себя единымъ и относитъ всякаго рода нервныя раздраженія къ самому

себя, къ своему. Это фактъ невозможно объяснить съ точки зрѣнія физиолога такъ какъ мозгъ состоитъ изъ многихъ нервныхъ центровъ, а это уничтожаетъ мнѣнiе материалистовъ, что душа есть функція мозга и требуетъ признацiя самостоятельнаго психическаго начала, способнаго объяснить единство сознанiя. Профессоръ Рудольфъ Вирховъ такъ высказался по этому вопросу: «Какъ только оказывается, что началомъ сознанiя можетъ служить какой-нибудь единичный органъ тѣла, то съ научной точки зрѣнiя нельзя ничего сказать противъ мнѣнiя, что, кромѣ матерiи, есть въ человѣкѣ какое-то невѣсомое, пожалуй, нематериальное, чисто духовное существо».

Материализмъ не въ состоянiи объяснить самые акты душевной жизни. Если бы ощущенiя были произведенiемъ мозга, или вообще нервной системы, тогда въ каждомъ человѣкѣ было бы безчисленное множество ощущающихъ субъектовъ, такъ какъ и мозгъ и нервы состоятъ изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ частей. Тоже замѣчается относительно сужденiя; всякое сужденiе имѣетъ два понятiя, которыя соединяются вмѣстѣ. Если бы мы взяли эти понятiя въ отдѣльности, то сужденiя бы не составилось, потому что сущность этого умственнаго процесса состоитъ въ объединенiи понятiй и предполагаетъ процессъ сравненiя. Объединять же и сравнивать мертвая матерiя не можетъ. Если не признавать души за самостоятельную субстанцiю, то нельзя будетъ объяснять ни одного факта и въ области мышленiя. Говорить, что мыслить и ощущаетъ мозгъ, — все равно, что говорить: играетъ музыкальный инструментъ, а не музыкантъ. Знаменитый ученый Р. Майеръ, открывши законъ сохраненiя силы, пишетъ: «твердо установлено, что духовныя отправленiя индивидуума тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ дѣятельностью мозга. Не будетъ грубою ошибкой отождествлять обѣ эти — параллельно идущiя, дѣятельности, что вполнѣ ясно изъ слѣдующаго примѣра. Какъ извѣстно телеграфное сообщенiе невозможно безъ одновременнаго химическаго процесса. Но то, что говоритъ телеграфъ, т. е. содержанiе депеши, отнюдь не можетъ быть разсматриваемо какъ функція электрохимической реакцiи. Тоже самое относительно мозга и мысли: мозгъ есть орудiе, но не самый мыслящiй актъ». Конечно, признавая самостоятельность души, мы не отрицаемъ зависимости ея отъ тѣла: душа зависитъ отъ тѣла не по бытiю своему, а только по проявленiю своего бытiя.

Постоянное тождество нашего самосознания приводит насъ къ признанію самостоятельности души. Здоровый въ психическомъ отношеніи человекъ чувствуетъ себя однимъ и тѣмъ же существомъ въ продолженіи всей своей жизни. Мы постоянно отличаемъ себя отъ всего, что виѣ насъ. Для объясненія этого напрасно искать основаній въ физиологии человека. Человекъ въ физическомъ отношеніи подлѣжитъ непрестаннымъ измѣненіямъ. Постоянный обменъ веществъ есть существованіе всѣхъ физиологическихъ отправленій организма. Физиологи доказываютъ, что физическій организмъ человека всецѣло возобновляется въ теченіи 7—8 лѣтъ, однако самосознаніе наше не мѣняется. Всякій изъ насъ отождествляетъ свою личность въ различные вѣзрасты. Такимъ образомъ, матерію никакъ нельзя считать основой души. Можно и должно утверждать тотъ только фактъ, что между душой и тѣломъ существуетъ самая тѣсная связь и взаимодействіе. Не нарушая самостоятельности другъ друга, тѣлесныя состоянія оказываютъ вліяніе на душевныя процессы, а послѣдніе въ свою очередь вліяютъ на тѣлесныя состоянія. Когда человекъ здоровъ физически, то и душевная жизнь его является болѣе уравновѣшенной; наоборотъ, болѣзни часто дѣлаютъ характеръ человека мрачнымъ и раздражительнымъ. Существуетъ известное соотношеніе между мозгомъ человека и его умственными способностями. Если мозгъ взрослого человека вѣситъ менѣе 1000 граммовъ, то субъектъ бываетъ слабоумнымъ, и наоборотъ, выдающіеся умственныя дарованія соединяются обыкновенно съ большимъ вѣсомъ мозга. Однако это правило не безусловно и допускаетъ много исключеній, показывающихъ, что духъ и тѣло, не смотря на ихъ взаимодействіе, по существу не зависятъ другъ отъ друга. Вліяніе тѣла на душу доказывается и мозговой локализацией психическихъ функций. Известно, что всѣ интеллектуальныя и чувствительныя функціи зависятъ отъ коры головного мозга и даже обнаружены особые центры оцущеній, движеній. Напр., центръ рѣчи находится въ 3-ей лобной извилинѣ лѣваго полушарія. Съ разрушеніемъ этой части мозга больной теряетъ способность произносить слова. Фактъ локализціи психическихъ функций является теперь несомнѣннымъ, однако и локализція не безусловна. Исслѣдованія показали, что иногда утраченныя центры тѣхъ или другихъ душевныхъ функций могутъ замѣняться иными. Напр., люди, страдающіе афазіей, т. е. потерей способности говорить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ научались говорить, хотя мозговой

центр рѣчи у нихъ оставался разрушеннымъ. Такимъ образомъ, при всей зависимости отъ дѣятельности мозга душевныя явленія являются по существу самостоятельными.

Если тѣло вліяетъ на душу, то и душа вліяетъ на тѣло съ неменьшею силой. Врачами констатируется фактъ, какое могущественное вліяніе на больного оказываетъ надежда на выздоровленіе или страхъ смерти. Причина даннаго явленія заключается въ томъ, что всякое представленіе или чувство, возникнувъ, тотчасъ реализуется и такимъ образомъ дѣйствуетъ на состояніе организма, усиливая или ослабляя его функціи. Мало того, человѣкъ иногда силой своей воли можетъ вызвать то или другое тѣлесное состояніе. Паскаль останавливалъ зубную боль напряженными умственными занятіями. Какъ ни трудно себѣ представить, чтобы сердце повиновалось волѣ человѣка, тѣмъ не менѣе врачами констатируются факты подобнаго рода. Профессоръ Тархановъ, въ своемъ изслѣдованіи, подъ заглавіемъ: «Духъ и тѣло» приводитъ примѣръ, какъ одинъ американскій фізіологъ могъ по желанію исполнѣ останавливать свое сердцебіеніе. Слѣд., необходимо признать, что душа и тѣло—два самостоятельныя начала, соединенныя природою въ одно цѣлое для совмѣстнаго осуществленія цѣлей жизни. Эти два начала различны по своимъ свойствамъ, но всегда обуславливаютъ другъ друга. Тѣло служитъ въ предѣлахъ земной жизни необходимымъ орудіемъ души, а душа является силой, поддерживающей жизнь тѣла и управляющей его движеніями.

Признавая душу самостоятельной субстанціей, не подчиненной законамъ уничтоженія, мы ео ірсо признаемъ ея безсмертіе.

Оговоримся. Необходимо рѣшить вопросъ—какъ понимать безсмертіе. Въ самой грубой формѣ безсмертіе души проповѣдуется *материализмомъ*. По этому ученію, душа человѣка по смерти тѣла исчезаетъ совершенно, такъ какъ она есть лишь продуктъ функцій организма. Разъ тѣло разрушается, то вмѣстѣ съ нимъ прекращается и его функціи, т. е. уничтожается и душа. Однако, человѣкъ по смерти не исчезаетъ безслѣдно, а его тѣло разлагается на свои составныя части, которыя сохраняются въ общей жизни природы и образуютъ новыя формы. Но, вѣдь, это къ душѣ человѣческой не имѣетъ никакого отношенія. То—безсмертіе силъ природы, ея энергіи, а не безсмертіе души человѣка. Болѣе возвышеннымъ характеромъ отличается безсмертіе, допускаемое *пантеизмомъ*.

Такъ какъ человѣческая душа, по ученію пантеистовъ, есть проявленіе абсолютной субстанции, то она должна опять возвратиться въ эту субстанцію и потерять свою индивидуальность. Но теряя свою индивидуальность въ абсолютной субстанции душа не уничтожается, а продолжаетъ жить въ общей субстанции. Здѣсь, такимъ образомъ, безсмертіе понимается не въ смыслѣ продолженія за гробомъ личнаго бытія, а въ смыслѣ сохраненія бытія души въ общей міровой субстанции. Существуетъ еще такъ называемое *историческое* безсмертіе человѣка. Говорятъ, что человѣкъ можетъ жить въ мысляхъ, оставленныхъ потомству, и въ дѣлахъ, совершенныхъ на его пользу. Но такое безсмертіе можетъ принадлежать не всѣмъ людямъ, а только тѣмъ, которые заявили о себѣ выдающимися славными и худыми дѣлами. Наконецъ, говорятъ еще о такъ называемомъ *родовомъ безсмертіи*, подъ которымъ разумѣется непрерывное существованіе всего человѣческаго рода. Оно не допускаетъ личнаго существованія человѣка за гробомъ, а между тѣмъ человѣку, какъ *личному* существу, должно принадлежать и *личное* безсмертіе. Поэтому истинное понятіе безсмертія человѣка должно мыслиться какъ продолженіе *личнаго* существованія по смерти съ сохраненіемъ личнаго самосознанія.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ самое существованіе въ человѣческомъ сознаніи идеи личнаго безсмертія и вѣчной жизни. Какимъ образомъ данная идея появилась въ человѣческомъ родѣ? *Она непосредственно присуща человѣческому духу. она вложена въ человѣка самой природой.* Исторія религіи свидѣтельствуетъ о всеобщности вѣры въ безсмертіе души и непосредственнаго воздаянія за гробомъ. Конечно, степень развитія и форма выраженія этой идеи не у всѣхъ народовъ одинакова, что обуславливается вообще степенью ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Чтобы не показаться голословными, приведемъ историческія параллели. Вѣра въ безсмертіе существовала еще у древнихъ *индусовъ*, на что указываютъ ихъ древнѣйшіе священные гимны— «веды». Религія древнихъ *персовъ* также не лишена этой идеи. По мнѣнію Зороастра, Ормуздъ одарилъ человѣка двумя благами: счастьемъ на землѣ и безсмертіемъ въ будущей жизни. Особенно важное значеніе вопросъ о смерти имѣлъ въ религіи древнихъ *египтянъ*. Греческіе историки говорятъ о египтянахъ, что они совсѣмъ не цѣнятъ земной жизни, считаютъ дома живыхъ лишь временными гостиницами, признавая вѣчными гробы мертвыхъ. У семитическихъ народовъ, за исключеніемъ

евреевъ, идея безсмертія была развита слабо, однако зачатки ея имѣются и у *ассировасилонянъ*, и у *финикійянъ*, и у различныхъ арабскихъ племенъ. Развѣтіе языческихъ религій завершилось въ *греко-римскомъ мірѣ*. И здѣсь мы видимъ, что Одиссей приноситъ жертвы умершимъ предкамъ: эти жертвы тогда, конечно, могли имѣть смыслъ, когда съ ними связывалось представленіе о загробномъ существованіи. Гезіодъ тоже говоритъ о вѣчной жизни и переселеніи на небо древнихъ предковъ жившихъ въ золотомъ вѣкѣ. Наиболе яркимъ и сильнымъ выраженіемъ идеи безсмертія у грековъ служили элевзинскія и орфическія мистеріи, посвященныя Деметрѣ, Пересфонѣ и Діонису. Въ боле позднее время вопросъ о безсмертіи былъ перенесенъ на чисто философскую почву. Ученіе о безсмертіи души было развито Платономъ, философія котораго пользовалась потомъ большимъ уваженіемъ христіанскихъ учителей. Римляне почитали души умершихъ, какъ божественныя существа. Народы славянскаго и германскаго племенъ тоже имѣютъ идею безсмертія души. По религіозному представленію древнихъ германцевъ, храбрые воины, навше въ битвѣ, переходятъ въ Валгаллу, жилище Одина, и проводятъ жизнь въ пирахъ и битвахъ, а все прочіе люди отправляются по смерти въ печальное жилище Геллы. По позднѣйшему же вѣрованію, переходя въ Валгаллу удоставались не только герои, навше въ битвѣ, но и все доброе. *Славяне* также вѣрили въ загробную жизнь, доказательствомъ чего служить ихъ поклоненіе душамъ умершихъ предковъ. Существовало представленіе о будущей жизни, въ частности, и у русскихъ славянъ. Такъ послы князя Игоря скрѣпили мирный договоръ съ греками клятвой, что нарушители его пусть будутъ рабами въ этомъ вѣкѣ и будущемъ. Воины Святослава, по свидѣтельству Льва Діакона, не надѣясь на спасеніе, сами убивали себя, думая, что черезъ это они избѣгутъ позора быть рабами своихъ побѣдителей на томъ свѣтѣ. Въ исламѣ вѣръ въ загробную жизнь отведено видное мѣсто. У евреевъ находимъ самое возвышенное вѣрованіе въ безсмертіе и будущую жизнь. Мнѣніе Ренана, что у евреевъ совсѣмъ не существовало вѣры въ безсмертіе и оно появилось у нихъ въ силу необходимости во время гоненій Антиоха Епифана, чтобы придать разумный смыслъ мученичеству за отечественную религію, неправильно, что ясно подтверждается данными Библии, свидѣтельствующими о существованіи у евреевъ такихъ вѣрованій гораздо раньше указанной эпохи. Патріархи вѣруютъ въ безсмертіе. Они назы-

ваютъ себя странниками и пришельцами на землѣ, ясно выражая этимъ, по замѣчанію апостола Павла, что они ищутъ отечества небеснаго. Они называютъ Бога—Богомъ своихъ отцовъ (уже умершихъ), что, по объясненію самого Іисуса Христа, служитъ доказательствомъ ихъ вѣры въ безсмертіе, потому что «Богъ не есть Богъ мертвыхъ, а Богъ живыхъ» (Мѡ. 22, 32; Лук. 20, 38; Исх. 3, 6). Въ позднѣйшій періодъ еврейской исторіи эта идея высказывалась еще ярче. Въ книгахъ пророковъ св. Исаи, св. Даниила и особенно св. Іезекіиля говорится о воскресеніи тѣлъ для будущей жизни. Вѣра евреевъ въ безсмертіе подтверждается и памятниками древности. Русскій профессоръ Хвольсонъ нашелъ въ Крыму надгробные памятники евреевъ, умершихъ задолго до Рождества Христова. Въ надписяхъ на этихъ памятникахъ вполне ясно выражена вѣра древнихъ евреевъ въ загробную жизнь. Итакъ, можно утверждать, что идея безсмертія души—всеобща: *все человечество высказывается въ пользу безсмертія души, всѣ религіи проповѣдуютъ эту истину**).

Свѣд. *Василій Сокольскій.*

(Продолженіе будетъ).

О покаяніи.

Забудетъ-ли женщина грудное дитя свое? Но если-бы и она забыла, то Я не забуду тебя. (Ис. 49, 15).

Такъ полна нѣжности любовь Божія къ людямъ.

Нѣтъ, бр. и сестры, человѣка, который бы пожилъ на землѣ и не согрѣшилъ (Лов. 14, 4; Пс. 50, 7). Поэтому-то въ каждомъ изъ насъ неотразимо живетъ сознаніе своей грѣховности предъ Богомъ. Оно лежитъ на сердцѣ нашемъ тяжелымъ гнетомъ, который, чѣмъ дальше мы живемъ и чѣмъ больше мы грѣшимъ, тѣмъ сильнѣе давятъ нашу совѣсть. Слѣдствіемъ этого неизбѣжно является отчаяніе, а за нимъ и совершенная гибель человѣка, если онъ во-время не прибѣгнетъ къ единственному средству спасенія—къ покаянію, если не постыдится открытъ свои душевныя раны предъ Отцомъ Небеснымъ чрезъ посредство поставленнаго Имъ духовнаго отца—настыря церковнаго.

*) Въ апологетическихъ работахъ эти историческія параллели трактуются, какъ историческое доказательство безсмертія души.